

Евгений Голубовский

Ангелы Александра Ануфриева

Пришло письмо из Америки от Люсьена Дульфана.

Написал о Саше Ануфриеве, художнике, стоявшем у истока одесского нонконформизма.

Подсказал, что Ануфриев родился 11 августа.

Забыл, какого года.

Я напомнил – 1940-го.

Значит, всегда молодому Саше – уже 80 лет.

Но вначале отрывок из письма Дульфана.

«Познакомились мы в далеком 1958 году, – пишет Люсик Дульфан. – Оба поступили в ОГХУ. Саша был старше, он поступил после десяти классов, я после восьми.

Был умный, задавал много вопросов нашему педагогу Виктору Ивановичу Желтякову.

Он был самый талантливый среди нас, помню его потрясающие акварели.

Был галантен, ухаживая за девушками, носил их этюдники.

Подружился с Володей Стрельниковым. После нескольких месяцев учебы они решили, что знают всё, и решили оставить художественное обучение. Вызвал их директор Василий Иванович (тут ошибка Дульфана – перепутал Василия Петровича Соколова с Василием Ивановичем Чапаевым. – Е. Г.). Очень дружелюбно обратился к ним, мол, поговорим по-рабоче-крестьянски!

Саша ответил: «Мы не рабочие и не крестьяне, а свободные художники».

Вот со свободными художниками и познакомился я в один из вечеров весны 1959.

Звонок в дверь на Кузнецкой, где я жил. Открываю дверь – юноша и девушка, красавцы, молодые, стройные.

– Мы пришли познакомиться. Впустите?

Так вошли в мою жизнь Саша и Рита Ануфриевы.

Смотрели книги, альбомы. Обрадовало, как много они знают. И как хотят узнавать.

Еще через пару дней я был у них дома, на четвертом этаже высокого дома на углу Успенской и Осипова.

Эта квартира в те времена стала центром нового объединения художников, которых мы сегодня называем нонконформистами.

Александр Ануфриев. Фото Ильи Гершберга

Здесь я познакомился с Людой Ястреб и Витей Маринюком, с Володей Стрельниковым и Валерой Басанцом, с Валиком Хрущом и Люсином Дульфаном.

Здесь рисовали. Здесь обсуждали. Спорили до хрипоты.

Саша Ануфриев в тот год был заражен голубым и розовым Пикассо. Не помню, кто, кажется, Маринюк, пустил шутку – ПИКАСАША. Но она была не обидной, а предостерегающей. Правда, вскоре увлечение Пикассо сменилось у Ануфриева увлечением Модильяни, а потом и вовсе он вышел на свою дорогу.

Хозяйкой дома, салона, мастерской была красавица и умница Рита. Ее подруги становились моделями для живописцев. Она зывала в дом поэтов, журналистов.

Денег катастрофически не было. И я придумал выход. Возможно, что это ноу-хау, но делюсь.

Я изобрел домашнюю лотерею.

Работы Ануфриева нравились многим моим друзьям. Но позволить себе купить картину мог далеко не каждый. И вот выставлятся Сашей десять картин. От руки он пишет, рисует пятьдесят приглашений. Цена каждого по десять рублей. Когда они проданы, из шапки Рита достает десять номеров. Десять счастливцев получают картины, а художник – пятьсот рублей. Тогда это были деньги.

В то время Саша написал много портретов наших друзей. У меня и сейчас дома висят портрет моей жены, портрет Инночки Тикер, портрет Риты...

Фантастически удачным был портрет Феликса Кохрихта. Его стоящие торчком рыжие волосы почему-то на фоне римского Коллизея запоминались раз и навсегда.

Рита родила Саше сына Сережу. В детстве это был инфант. Ходил в костюме с жабо. Трудно было представить, что станет знаменитым художником-концептуалистом. Но гены генами, а помню, что Саша буквально носил его на руках.

Вообще, у Александра Ануфриева была своеобразная программа-установка. Он хотел иметь десять жен. Не любовных романов, не записей в донжуанский список, а официальных жен. И от каждой хотел по ребенку. И самому его воспитать. Желал, чтобы жены были разных национальностей...

Портрет Феликса Кохрихта

Портрет Валентины Голубовской

В жизни Саши многое сбывалось. А этот план не выдержал проверки реальностью. Жен было, мне кажется, шесть. И не все разных национальностей. Но детей нянчил столь же вдохновенно, сколь писал картины.

Голодная жизнь в Одессе постепенно стала надоедать. Пригласили в Ташкент. Тогда еще с Ритой. Приехали.

Ташкент – город хлебный. Но, оказалось, скучный. А тут как раз землетрясение. Дом, в котором жили Ануфриевы, развалился.

Но тут случилось чудо. Саша увидел Ангела. И тот на чистом русском языке ему сказал, что все трое они останутся живы, что он прикрыл их своим крылом, но вот с этого дня Саша должен рисовать Ангелов...

Нет, не иконы, а картины. Но сюжеты из жизни Ангелов.

С этим и вернулись Ануфриевы в Одессу.

С тех пор он стал художником Ангелов.

Когда-то, когда я тяжело болел, а Ануфриев уже давно жил в США, чтоб мне исправить настроение, Аня купила мне в подарок «Ангела» работы Ануфриева в одной домашней коллекции. И пошло. Иначе бы не написал то, что читаете.

Нынешняя жена Александра Ануфриева Татьяна Анисимова – прекрасная виолончелистка. Любит и Сашу, и его Ангелов. И ее концерты на фоне Ангелов пользуются в Америке успехом.

Когда у моей дочери была галерея «Либерти», к приезду Ануфриева в Одессу она устроила выставку его картин из частных собраний Одессы. И оказалось, что в городе много его работ.

Прекрасные картины в Музее современного искусства Одессы.

Для этой публикации по моей просьбе Таня Анисимова прислала фотографии новых работ Саши этого года.

Поучителен путь художника. От авангарда, от кубистической ломки он пришел к возрожденческой классике.

Как там у Пастернака? «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

Саше Ануфриеву исполнилось 80 лет.

Входит в девятый десяток.

А работы молодые.

Значит, возраст души отмеряется не по паспорту.